

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-293-314

Татьяна Ларина и тургеневские герои – ментальное пространство, быт, облик и судьба

Владимир Кириллович Васильев

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Аннотация

Аналитика позволяет говорить о наличии в пушкинском романе «двух Татьян». Характер юной сентиментально-романтической Лариной фактически не совместим с ее же идеальным христианским образом в 8-й главе. В своем открытии *нового* для русской жизни социопсихотипа женщины Тургенев опирается на описание юной Татьяны. Как и Пушкин, он рассматривает героиню в сцеплении с героем. В изображении мужских типов Иван Сергеевич также использует психологические открытия Лермонтова. Новаторство заключается в том, что «тургеневская девушка» представлена автором как синоним «лишнего», а затем «нового» человека. Только во взаимодополняющей парности раскрывается семантика их ментальности и определяемая ею бессознательная жизненная стратегия. И то и другое описывается Тургеневым в аспекте психопатологии и метафизического трагического конфликта «передовых» героев с законами Вселенной / Природы / Бога. Отсюда деградация бытовой повседневности, постепенное искажение облика героев, а также устойчивость мотивов «несчастья», «вины», «наказания», «бездны» и однотипные негативные финалы их судеб.

© Васильев В. К., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 293–314

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 293–314

Ключевые слова

творчество А. С. Пушкина, творчество М. Ю. Лермонтова, творчество И. С. Тургенева, «тургеневская девушка», «лишний» и «новый человек», трагическое

Для цитирования

Васильев В. К. Татьяна Ларина и тургеневские герои – ментальное пространство, быт, облик и судьба // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 293–314. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-293-314

Tatiana Larina and Turgenev's Heroes – Mental Space, Everyday Life, Appearance and Fate

Vladimir K. Vasiliev

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Abstract

The analytics realized in this work allows us to question the established academic and school interpretation of Tatiana Larina as a wholly ideal character; it is more appropriate to speak of the presence of “two Tatanas” in the novel. The character of the young sentimental-romantic Larina is actually incompatible with her ideal Christian image in Chapter 8. In his discovery of a new for Russian life sociopsychotype (“Turgenev’s”) of woman, Ivan Sergeevich relies on the description of the young Larina, on the unrealized plot “Tatiana + Eugene”, in which “misfortune”, “ruin” and “abyss” are the outcome of the heroine’s fate. Ivan Sergeevich also uses Lermontov’s psychological discoveries in the portrayal of “advanced” heroes. The article proposes criteria for distinguishing the type of “Turgenev’s girl”. In connection with the hero, this type is considered on the material of Turgenev’s novels “Correspondence”, “Diary of a Superfluous Man”, “Two Friends”, the story “Hamlet of Shchigrovsky Uezd”, as well as the novels “Rudin”, “On the Eve”, “Fathers and Children” and “Nov”. The writer uses a number of techniques that indicate that he directly continues the Pushkin-Lermontov tradition. Ivan Sergeevich’s innovation lies in the fact that the “Turgenev girl” is presented by him as a synonym for the “superfluous” and then the “new” man. Only in the complementary pairing is the semantics of their mentality and the unconscious life strategy determined by it revealed. Both are described by Turgenev in the aspect of psychopathology and metaphysical tragic conflict of “advanced” heroes with the laws of the universe, nature and God. Hence the degradation of everyday life, the gradual distortion of the characters’ appearance, and the stability of the motifs of “lies”, “misfortune”, “guilt”, “punishment”, “abyss” and the uniform

negative finales of their fates. In general, Turgenev's contribution to the development of the preceding literary tradition represents a prognostication that defined the mental problems of man and society of the twentieth and twenty-first centuries.

Keywords

the works of A. S. Pushkin, the works of M. Yu. Lermontov, the works of I. S. Turgenev, "Turgenev's girl", "superfluous" and "new man", tragic

For citation

Vasiliev V. K. Tatiana Larina and Turgenev's Heroes – Mental Space, Everyday Life, Appearance and Fate. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 293–314. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-293-314

1. «Что такое Репетилов? в нем 2, 3, 10 характеров» [Пушкин, 1979, с. 97], – такое мнение высказал Пушкин о действующем лице комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Сходным потенциалом обладают прежде всего образы Онегина, Татьяны и Ленского. Об этом свидетельствуют множественные рецепции сюжетики пушкинского романа. Едва ли не каждая составная часть биографического комплекса названных героев оказалась способна к развитию и вариативности при создании последующих литературных образов-характеров, вплоть до появления несовместимых друг с другом типов и версий.

Парадокс в том, что в авторском воплощении образа Лариной, на мой взгляд, не так уж сложно обнаружить два характера, «две Татьяны» – одна в молодости (главы 2–6), предвестница другой выступает перед самым замужеством (в конце 7 главы), и далее эта другая представлена полноценно в качестве супруги (глава 8). На разных этапах жизни поэта «обе Татьяны» являют выражение его «верного идеала», но *по итогу характеры Лариной в начале и в конце романа несовместимы друг с другом*. Естественно, что данный тезис не согласуется с широко распространенной школьной и академической мифологией, изображающей Татьяну героиней, от начала и до конца неизменной. Здесь напрашивается ссылка на статью (1845 г.) В. Г. Белинского, в которой утверждается, что в Татьяне нет «болезненных противоречий», она «создана как будто вся из цельного куска, без всяких приделок и примесей» [Белинский, 1981, с. 407–408], и т. п. При этом в разборе критика героиня представлена как образ далеко не цельный, но оксюморонный (об этом см. далее).

Ни о каких контрапунктах речи нет в работах, где Татьяна предстает «идеальной», «духовной», хранительницей «традиционных ценностей», представительницей «иного, высшего мира» и т. п. – вплоть до утвержде-

ния ее святости. Хорошо известна характеристика, которую (с христианской позиции) дал Татьяне Ф. М. Достоевский: «Это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины» [Достоевский, 1984, с. 140]. Спустя 120 лет Т. Р. Руди с опорой на трактовку А. А. Назаревского (1887–1977) предлагает видеть в Лариной святую (см.: [Руди, 2001, с. 91]) (подобную Ульянии Назаревской¹). Цельноидеальной предстает Татьяна, например, в восприятии одного из ведущих пушкинистов современности В. С. Непомнящего (1934–2020) и т. д., и т. д.

Все авторы, стоящие на позиции непротиворечивости образа Татьяны, разошлись, как мне представляется, с пониманием Пушкина, который пишет в 8-й главе: *«Хоть он глядел нельзя прилежней, / Но и следов Татьяны прежней / Не мог Онегин обрести»* [Пушкин, 1978, с. 149]. В следующей строфе поэт противопоставляет эту новую Татьяну Татьяне начала романа (*«Ужель та самая...»*). И дело здесь не во внешней трансформации «деревенская девочка – светская женщина» (именно ее отмечает Белинский), но в перемене внутренней. Татьяна появляется хозяйкой на светском рауте – «Без подражательных затей / Все тихо, просто было в ней» [Там же, с. 147]. (Романтическая юная Ларина являла собой именно подражание и не была тихой и простой.) После долгой разлуки она вдруг видит у себя дома Евгения, которого по-прежнему любит. «Как сильно ни была она / Удивлена, поражена», но предстает перед ним, как и минуту назад, – «тихой», «равнодушной», «смелой» [Там же, с. 149–150]. Интересно, что И. С. Тургенев в стихотворении «К А. С.» (1844) моделирует онегинскую ситуацию: герой когда-то «не заметил» восемнадцатилетнюю девушку. «И вдруг теперь я встретил вас. / Вы изменились, как Татьяна», – говорит он. Кроме плеч и «царственного сана», его изумляют ее *речи* и еще новое в ней: «На ваших мраморных чертах, / На несмеющихся губах / Печать могучего сознанья...» [Тургенев, 1978, с. 41–42]. Сказано сильно, но ведь и перемена существенна!

Если вернуться к вопросу о цельноидеальности Татьяны, то стоит обратиться к иным прочтениям, по моему убеждению, в большей степени отражающим смысловую полноту образа героини. Вчитаемся в некоторые положения статьи уже упомянутого Белинского. Можно ли возвести многие характеристики, которые он дал Лариной, в высшую степень? (По ка-

¹ Ср. трактовку А. А. Назаревского с аналогичной трактовкой Н. Л. Бродского (1881–1951): [Бродский, 1957, с. 323]. Идея сближения Татьяны с агиографическими героями проникла и в современные школьные учебники.

ким-то причинам они плохо прижились в массовом пушкиноведении, хотя вполне близки к семантике романного текста.) «Весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви; ничто другое не говорило ее душе; ум ее спал <...> Девические дни ее ничем не были заняты <...> Дикое растение, вполне предоставленное самому себе, Татьяна создала себе свою собственную жизнь, в пустоте которой тем мятежнее горел пожиравший ее внутренний огонь, что ее ум ничем не был занят» [Белинский, 1981, с. 413]. Ларина «натура с экзальтированным воображением» [Там же, с. 420], «создание страстное, глубоко чувствующее и в то же время не развитое, наглухо запертое в темной пустоте своего интеллектуального существования», она подобна «египетской статуе, неподвижной, тяжелой и связанной» [Там же, с. 414]. Онегин явился перед книжной героиней как «неразрешимая тайна ее неразвитого ума, весь оболешение для ее дикой фантазии». «Для Татьяны не существовал настоящий Онегин, которого она не могла ни понимать, ни знать, следовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значение, напрокат взятое из книги, а не из жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать, ни знать» [Там же]. «Самое усилие развиться самостоятельно, вне влияния общества, сообщает человеку какую-то странность, придает ему что-то уродливое» [Там же, с. 410]. Или схожее, но с добавлением комплиментарного: Татьяна «осталась естественною, простою в самой искусственности и уродливости формы, которую сообщила ей окружающая ее действительность» [Там же, с. 412]. (Последняя оксюморонная фраза объединяет обе Татьяны.) К голосу Белинского примыкает голос Д. И. Писарева. Есть ли аргументы для того, чтобы опровергнуть его утверждение (в ст. 1865 г.) о Татьяне: «Ее болезненно развитое воображение постоянно создает ей поддельные чувства, поддельные потребности, поддельные обязанности, целую искусственную программу жизни»? [Писарев, 2003, с. 248]. У меня аргументов нет. Ларина обладает «каким-то болезненным, ненормальным характером в детстве» [Бонди, 1978, с. 135], – пишет С. М. Бонди в статье 1966 г. Как видим, исследователь не оригинален в таком диагнозе. У него есть предшественники. «Неразвитый ум», «дикая фантазия», «уродство» – диагноз Белинского, «болезненное воображение» – диагноз Писарева.

Приведенные наблюдения подтверждаются текстом романа, в том числе тем фактом, что сентиментально-романтическая Ларина является двойником романтического Онегина. Ее изгойство и одиночество («Она в семье своей родной / Казалась девочкой чужой»; «и часто целый день одна / си-

дела молча у окна» [Пушкин, 1978, с. 41]), «дикость», мечтательность, «и бледный цвет и вид унылой», грусть, «печальная дума в очах» [Там же, с. 41, 70, 144], не просто неопытность, а иллюзорное представление о жизни, – все это сродни одиночеству, сумрачности и тоске, хандре и сплину странного Евгения. Автор определил состояние Онегина словом «недуг» [Там же, с. 22] (а в черновике – словом «болезнь»); ср. с определением Лермонтова сути характера Печорина: «Будет и того, что болезнь указана» [Лермонтов, 2002, с. 213]. Слова-диагнозы ложатся и на образ юной Татьяны. В героине присутствуют внутренние разрушительные потенции, движение к несчастью и гибели. Это движение «в бездну» и одновременно к Онегину, к тем его ипостасям, которые выражены образом героя в ее сне, а также обозначениями «Демон», «сатанический урод» [Пушкин, 1978, с. 146] и т. п. «Погибнешь, милая; но прежде / Ты в ослепительной надежде / Блаженство темное зовешь <...> Ты пьешь волшебный яд желаний» [Там же, с. 54]; «...как будто бездна / Под ней чернеет и шумит... / “Погибну, – Таня говорит, – / Но гибель от него любезна <...> Не может он мне счастья дать”» [Там же, с. 104], и пр. Все эти смыслы опять же подтверждены и лермонтовским демоническим дискурсом, ведущим к Печорину как к герою, продолжающему онегинскую тему.

Здесь придется оставить в стороне проблематику «двух Татьян», поиска ответа на вопрос о причинах внезапного преображения героини, ибо она (проблематика) уводит в биографический пушкинский текст, за пределы предмета данной статьи. Далее тему рецепции пушкинского романа я продолжу на материале произведений Тургенева.

2. Иван Сергеевич вошел в литературу как «добросовестный и беспристрастный» художник-наблюдатель «быстро изменявшейся физиономии русских людей культурного слоя» [Тургенев, 1982б, с. 390]. В этом он опирался на другого наблюдателя – Пушкина, «самая сущность, все свойства <...> поэзии» которого совпадали, по его определению, «со свойствами, сущностью нашего народа» [Тургенев, 1986, с. 344]. «Это мой идол, мой учитель, мой недостижимый образец – и я, как Стаций о Виргилии, могу сказать каждому из своих произведений “Vestigia semper adora” [“Следы его всегда почитай”]» [Тургенев, 2002, с. 39–40], – признавался писатель.

В данной работе меня будут интересовать пушкинские «следы» при создании Иваном Сергеевичем прежде всего образа-характера «тургеневской девушки» (в основном на материале ранних повестей). Его невозможно понять вне контекста, вне связи с «тургеневским юношей», но,

подчиняясь требованиям по ограничению объема, буду обращаться к мужским персонажам лишь в аспекте понимания образа героини. Напомню, что речь идет об открытии сформировавшегося к 1840-м гг. *нового* социопсихотипа девушки / женщины. Факт открытия фиксирует, в частности, Л. Н. Толстой (в разговоре с А. П. Чеховым 14 ноября 1901 г.): «Может быть, таковых, как он писал, не было, но, когда он написал их, они появились. Это – верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни» (цит. по: [М. Горький, 1951, с. 161]). Отчасти сходно звучат и слова, сказанные ранее Достоевским, представившим в романе «Братья Карамазовы» (1878–1880) свой вариант типичной «тургеневской девушки» – Аделаиды Ивановны, первой жены Федора Павловича: «...девушка с приданым, да еще красивая и, сверх того, из бойких умниц, столь нередких у нас в теперешнее поколение, *но появившихся уже и в прошлом*». (Это прошлое автор измеряет *двумя или тремя* последними поколениями.) Сбежав от мужа в Петербург, она «беззаветно пустилась в полную эмансипацию» и «*как-то вдруг умерла*» [Достоевский, 1976, с. 7–9]. Потому, прежде чем относить к данному типу ту или иную героиню, представленную Тургеневым на страницах своих произведений, всякий раз необходимо задать вопрос: а отвечает ли ее образ соответствующим критериям? Очень часто выясняется, что *не отвечает*.

Следует особо отметить, что в данной ситуации вопрос о критериях относится к разряду методологических, т. е. таких, которые прямо связаны с осмысленным отказом от аморфных рассуждений, с проблемой *точности* текстуальных исследований и *верифицируемости* полученных результатов. Я готов предложить следующие критерии: утрата веры в Бога (это абсолютная доминанта, ключ, далее следствия) (см., например: [Васильев, 2011, с. 81–82]); эмансипация, разрыв с традиционными представлениями о роли женщины в обществе; неумение посмотреть на себя со стороны, дать трезвую оценку своим поступкам; гордыня, самомнение, доходящее до невменяемости; неудержимый поиск новых идеалов; ложная попытка видеть в возлюбленном человека, знающего истину, следовать за ним и принести свою жизнь в жертву. Вариант окончания этого сюжета – разочарование в мужчинах, отрицание брака, судьба старой девы или одинокой вдовы.

Эта проблематика, в частности, реализуется в ранней повести Тургенева «Переписка» (1844–1854). Ее начало построено как параллель к истории появления в печати записок Печорина: и там, и там некое третье лицо получает возможность после смерти главного героя опубликовать в первом

случае «записки» Печорина, во втором – переписку Алексея Петровича и Марьи Александровны. Лермонтов дал своему романному герою фамилию Печорин и тем самым заявил, что является своеобразным продолжателем пушкинского повествования. Тургенев по-своему повторяет данный прием, указывая на то, что становится на позицию Пушкина и Лермонтова (поиск его «следов» в произведениях Ивана Сергеевича – тоже реальная задача) в попытке как подвести некоторые итоги их художественным, социально-психологическим изысканиям, так и представить собственные наблюдения по теме «героев времени». Отсюда еще один значимый прием при создании «Переписки». Автор дает минимум сведений о реальном прошлом своих персонажей, читатель о нем фактически ничего не знает, кроме невнятных историй о любовных влечениях. При этом обобщения Алексея Петровича о прошедшем *неожиданно* настолько глубоки и весомы, что подходят под термин «романное мышление». В общем-то, так оно и есть. *Прошлое героев не нужно* Тургеневу. (Стоит полагать, что по этой причине они также не имеют фамилий.) Им в достаточной мере обладают персонажи двух главных предшествующих романов о «лишних людях» – «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени». Иван Сергеевич, я думаю, обобщает именно их жизнеописания. (Существенно в данном случае и влияние статей Белинского о творчестве Пушкина и Лермонтова.) И именно на основании этих обобщений он закрепляет за указанным типом столь емкое и значимое, по сути апокалиптическое, наименование – «лишний человек». *Принципиальная новизна заключается в том, что Тургенев не просто включает в повествование «героиню времени», но рассматривает ее образ в качестве синонима образу «лишнего»!*

Чтобы изложить основные мысли о «лишнем человеке», Ивану Сергеевичу не хватило объема одной повести. На начальном этапе я бы выделил у него своеобразную трилогию, образующую фактически единый текст: к «Переписке» примыкают рассказ «Гамлет Щигровского уезда» (написан в 1848 г.) и повесть «Дневник лишнего человека» (1848–1856). На мой взгляд, существенно, что главные лица тоже не имеют имен, правда герой повести награжден комической (нулевой в отношении положительных смыслов) фамилией – Чулкатурин. (Он оскорблен, когда князь Н называет его Штукатуриным.) Продолжая в «Гамлете» и «Дневнике» тему «Переписки», автор излагает историю родителей героев, описание их детства и юности, пишет об их университетском образовании (у Гамлета оно на немецкий лад!), о женитьбе (Гамлета) и пр. В этих произведениях нет

«передовых» героинь, но изложенная информация абсолютно необходима для понимания их характеров.

Марья Александровна является одним из первых образцов «тургеневской девушки». В то же время она сориентирована на Ларину, т. е. означенная парность (*она* и «лишний человек») представлена уже в пушкинском романе. В академическом собрании сочинений И. С. Тургенева указано на наличие в «Переписке» трех цитат из «Евгения Онегина» (см.: [Тургенев, 1980в, с. 399–400]). Алексей Петрович, корреспондент Марьи Александровны, адресует ей строку, в которую включены слова Лариной: «Разве счастье не было “так близко, так возможно”?» [Там же, с. 28]. Эту цитату можно назвать внутренним эпиграфом к повествованию; как и у Пушкина, в «Переписке» она определяет коллизии взаимоотношений «мужчины и женщины», т. е. задает некое единое (негативное!) семантическое пространство. К тому же ничто не мешает видеть и в названии повести отнесение к пушкинскому роману: письма Татьяны и Евгения – это переписка². Иначе говоря, на самом деле явных и косвенных цитат, аллюзий с «Евгением Онегиным» не просто гораздо больше, произведения смыкаются в доминантных смыслах (исследования причин трагической нежестимости счастья; поиска ответа на вопросы, почему мужчина и женщина стали «друг другу чужды» [Там же, с. 22], а по итогу, почему и сама жизнь не состоялась?). Литературоведы не рассматривали связь названных произведений под означенным углом зрения, как и ту же героиню «Переписки» в сцеплении с образом Лариной.

В своем письме-исповеди (от 20 мая 1840 г.) Марья Александровна ставит себя в типичную «ситуацию юной Татьяны». «Молодая девушка», живущая «в глуши, а таких очень много в России» [Там же, с. 29–30] (ср.: «в глуши» живут Ларины). И. С. Тургенев фактически создает прозаический аналог пушкинскому описанию рождения любви (см.: [Пушкин, 1978, с. 50–51] от «Пора пришла, она влюбилась <...> Душа ждала... кого-нибудь <...> В одном Онегине слились»). «Она начинает жить <...> она читает, мечтает... о любви <...> для нее это слово много значит <...> Она оглядывается, ждет, когда же придет тот, о ком ее душа тоскует... Наконец он является: она увлечена» [Тургенев, 1980в, с. 30]. Кроме того, книжная, мечтательная девушка не удовлетворяется жизнью знакомых и семьи. Ср. с мотивом отчужденности Лариной от своей семьи.

² Напомню, что, не получив от Татьяны ответа, Онегин пишет ей второе и третье письмо (см.: [Пушкин, 1978, с. 156]).

Разница с юной пушкинской героиней в том, что Марье Александровне 26 лет и за ее плечами есть любовная история. (Что касается возраста, то напрашивается отсылка: «Дожив <...> до двадцати шести годов» [Пушкин, 1978, с. 146]. Онегин – «без жены», Марья Александровна – без мужа.) В прошлом она была влюблена в двоюродного брата Алексея Петровича, надо полагать, романтического «лишнего человека». (В тексте – Th odore! ³) Теперь уже Алексей Петрович инициирует переписку с Марьей Александровной и фактически навязывает ей новые отношения. Ведь в его молодости «истинным чувством было <...> небольшое, но невольное влечение» [Тургенев, 1980в, с. 24] к ней. Все это ее пугает, но и пробуждает надежды на союз с женщиной, потому как она боится участи старой девушки.

Версия старой девы как раз и реализуется в «Переписке».

При этом у Марьи Александровны три претендента на ее руку. Кроме Алексея Петровича, два соседа, старый и молодой. «Я бы могла выйти за него замуж, если б захотела; – пишет она о молодом, – он человек <...> образованный, с состоянием. Препятствий со стороны моих родных нет; напротив, они – я это наверное знаю – желают этого брака; он человек *хороший* и, кажется, *меня любит*... Но он так вял и мелок, все желания его так ограничены, что я не могу не сознавать моего превосходства над ним <...> я его уважать не могу, хотя *и сердце у него прекрасное*» [Тургенев, 1980в, с. 38]. Тургенев не задает особых психологических загадок, описывая характер Марьи Александровны. Она вообще не может любить никого, потому что чрезмерно горда. Ее суд над молодым соседом выглядит дико еще и по той причине, что она (в частности, по сравнению с ним) ничего собой не представляет, а более точно – представляет тип отрицательный, демонический (и одновременно трагический). Автор дает понять все это вполне отчетливо. Алексей Петрович тоже ставит Марью Александровну выше, чем претендентов на ее руку. Он дает ей совет: «...и старого холостяка и молодого вздыхателя – обоих за борт! <...> *Ни тот, ни другой вас не стоят* <...> *Сбыточное ли дело, чтоб женщина, подобная вам, – я не хочу говорить комплиментов и потому не распространяюсь более, – чтоб такая женщина не встретила никого, кто сумел бы оценить ее?*» [Тургенев, 1980в, с. 39]. Но это оценка героя, а не автора. Она продиктова-

³ «Федор – Th odore» вполне соответствует парам «Евгений – Вольмар, Малек-Адель – де Линар», «Татьяна – Клариса, Юлия, Дельфина», «Акулька – Селина» и т. п.

на соперничество: Алексей Петрович спешит устранить конкурентов. Однако в итоге свою позицию он не выдерживает, его слова не подтверждаются поступками. (Как и молодой сосед, он очень вял в своих желаниях, в попытке сближения с Марьей Александровной. «Небольшое влечение» к ней в молодости таким и осталось.)

«Философка» Марья Александровна читает другие, нежели Татьяна, книги, но из них тоже «не вычитаешь себе счастья» [Тургенев, 1980в, с. 32]. Она пишет своему корреспонденту, что иные дамы в околотке «утверждают, что я сплю с латинской книгой в руках и в очках; другие – что я умею извлекать какие-то кубические корни; ни одна из них не сомневается в том, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вместо “здравствуйте” отрывисто говорю: “Жорж Занд!”» [Там же, с. 34]. Дамы даже по внешнему облику не признают в ученой, эмансипированной соседке женщину. Ее внешность трансформируется в мужское подобие, и это вызывает их негодование.

Марья Александровна не понимает, что случившаяся с нею в прошлом любовная история неизбежно должна была кончиться разочарованием и разрывом. И любая последующая история кончится тем же. Гордыня, эгоизм и есть те качества, которые ведут ее к неизбежному жизненному краху. (В истолковании того, что есть гордыня или себялюбие, Иван Сергеевич мыслит в согласии с Отцами Церкви, он необычайно точен в определении сущности и крайних последствий для обладателя данных качеств ⁴. «Себялюбие <...> самоубийство. Себялюбивый человек засыхает, словно одинокое, бесплодное дерево» [Тургенев, 1980г, с. 227].) Она не может создать семью, поскольку живет еще и субъективными, фактически неоязыческими идеалами, ее философские верования воздвигают «немых и бездушных» «кумиров» (Тургенев использует пушкинское романное слово) и «идолов». В этом она признает личные «добро, правду». В ее доме никогда не будет мужа, детей, горшков со щами ⁵, т. е. будет пустота, одиночество. (В отличие от дома ее сестры, которая замужем и счастлива.)

⁴ В христианской культуре психологема «гордыня» сама по себе являет топос или микросюжет. Она подразумевает наличие конфликта с Богом (и человеком, с Божественным мирозданием в целом) / преступление – самовознесение и последующее падение / наказание вечным одиночеством и смертью-адам.

⁵ Это проверка героини на соответствие новым идеалам Пушкина (в «Отрывках из путешествия Онегина», октябрь 1829 – сентябрь 1830):

«Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,

В финале повести Марья Александровна так и не дождалась своего корреспондента. Она остается одинокой (и бесплодной), ее образ и ее жилище даны в пушкинском контексте: «Мы теперь занесены кругом мертвыми сугробами снега <...> От скуки не умирают, а с тоски, пожалуй, пропасть можно» [Тургенев, 1980в, с. 44]. Ср. зимний сон Татьяны, грозящий ей гибелью: «Ей снится, будто бы она / Идет по снеговой поляне, / Печальной мглой окружена; / В сугробах снежных перед нею...» [Пушкин, 1978, с. 90].

Следующая интересующая меня «тургеневская девушка» – героиня повести «Два приятеля» (1854) Софья Кирилловна Заднепровская. Данная повесть тоже несколько раз цитатно соотнесена с романом «Евгений Онегин», в частности Софье Кирилловне отданы фрагменты «текста Татьяны» (см., например: [Синякова, 2011]). Кроме того, трудно усомниться в том, что само название («Два приятеля») сориентировано на текст «Евгения Онегина». В романе приятели – автор-повествователь и Онегин, а также Онегин и Ленский. Тургенев актуализирует отношения второй пары.

В повести приятели – это Борис Андреевич Вязовнин и Петр Васильевич Крупицын. Вязовнин – «молодой человек лет двадцати шести» [Тургенев, 1980а, с. 321]. Ему принадлежит фраза «но хорош мой Ленский, и хорош я, Онегин!» [Там же, с. 346] (Ленский-Крупицын постарше Онегина-Вязовнина лет на семь.) 26-летний Вязовнин вышел в отставку, чтобы поправить дела в своем поместье. Однажды Крупицын предложил ему жениться, тот согласился, и приятель повез его в имение вдовы Заднепровской. (Ей «лет двадцать пять или двадцать семь» [Там же, с. 330], а «в среднем» – 26... Другими словами, опять обыгрывается «пушкинская ситуация»: Вязовнин в этом возрасте «без жены», Заднепровская – без мужа.) Смотрины кончились восклицаниями Крупицына «Не то, не, не, не годится, не то!» [Там же, с. 336] и отъездом друзей из имения Софьи Кирилловны.

Что добавляет к рассматриваемой семантике образ вдовы Заднепровской? Тому, что она, эмансипе («ловкая дама», «боевая особа», «разбитная бабенка» [Там же, с. 332]), отстаивает мужскую и женскую свободу и «сильно восстает против брака» [Там же, с. 334], удивляться не приходится. Она развязна и неестественна. Ее красноречие не выходит за рамки

Да щей горшок, да сам большой»

[Пушкин, 1978, с. 174] (курсив оригинала. – В. В.). Мы видим, что «тургеневская девушка» такую проверку не проходит.

оборотов, вычитанных из книг Марлинского. Гостям Софья Кирилловна рекомендует женщину, которая «выходит из-под общего уровня» и всего, «что нарушает законы какого-то выдуманного приличия» [Тургенев, 1980а, с. 333]. Она курит папироски, за столом «попивает порядком, причем замечает, что в Англии все дамы употребляют вино, а здесь и это считается неприличным» [Там же, с. 335]. Заднепровская и прощается по-английски: первая протягивает руку мужчинам. Крупицын понимает, что ее интерес к Вязовнину лежит вне сферы замужества, а в сфере свободных отношений. «Стройная, высокая, с тонкой талией, смуглая и довольно красивая» [Там же, с. 331], она понравилась Вязовнину, «только неприятно подействовал на него косой пробор волос, придававший ее чертам лихой и мальчишеский вид» [Там же, с. 332] (ср. с Марьей Александровной).

В доме Заднепровской все модно и богато – от нарядов прислуги, мебели до подачи блюд. Но все неудобно и лишено вкуса. Она никакая хозяйка. Обед, вино, кофе, чай – все не понравилось гостям. «Чуть с голоду не умерила» [Там же, с. 336], – говорит недовольный Крупицын, увозя с собой готового остаться Вязовнина.

Не так трудно представить будущее Софьи Кирилловны: это «невеселое одиночество» [Там же, с. 332] (она сама о нем говорит), перемежающееся свободными отношениями с мужчинами.

Когда вышел роман «Отцы и дети», критики сразу заметили, что от эпизода с Заднепровской лежит прямая линия к образу помещицы, «*étap-sirée* в истинном смысле слова, передовой женщины» [Тургенев, 1981б, с. 61] Евдоксии Кукшиной. Мы помним, как в этом школьном романе описаны ее облик, быт, идеи, которые она исповедует. Поражают ее грязные перчатки на балу, «не совсем опрятное платье» дома, перед гостями, пыль и окурки в гостиной. У нее «побуревшие от табаку пальцы» [Там же, с. 65], она много пьет.

Евдоксия разъехалась с мужем. Пьяные, она и Ситников «много толковали <...> о том, что такое брак – предрассудок или преступление» [Там же, с. 66]. «...Слава богу, я свободна, у меня нет детей...», – говорит она и тут же одергивает себя: «Что это я сказала: слава богу!...» [Там же, с. 65] и пр., пр.⁶

Не берусь в целом решать вопрос о том, в какой степени какой фактор – социальный или ментальный – доминирует в стремительном преоб-

⁶ Об эволюции – превращении «тургеневской девушки» в революционерку-убийцу см.: [Васильев, 2011, с. 80–83].

ражении героев русской (жизни и) литературы. У каждого писателя своя мера. Тургенев же обязывает обратиться ко второму фактору.

Ментальность – это содержание образа «внутреннего человека», проявленное в его чувствах и умопостроениях, в его картине мира и деятельности. Свои обобщения (в указанной ранее «трилогии») Тургенев, как я уже заметил, начинает с нарративов Пушкина и Лермонтова. По этой причине они необычайно глубоки и сильны. В них много того, что уточняет, сближает характеры и роли «передовых» героя и героини. Недаром Алексей Петрович пишет Марье Александровне: «Мне, право, кажется, что *мы можем сойтись...*» [Тургенев, 1980в, с. 25]. Автор строит текст так, что откровения героя почти без исключения ложатся и на образ героини, составляют *основу сходства двоих*. Он признается, что «совершенно одинок на земле», что «довольно холодная кровь, гордость, лень» отдалили его от общества людей. «Переход от жизни мечтательной к действительной совершился во мне поздно... может быть, слишком поздно, может быть, до сих пор не вполне» [Там же, с. 23]. «Я не виню судьбы; я один виноват, и поделом наказан. В молодости меня занимало одно: мое милое я <...> я чуждался общества – и вот теперь я сам себе надоед страшно <...> Я никого не люблю; все мои сближения с другими людьми как-то натянуты и ложны; да и воспоминаний у меня нет, потому что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кроме собственной моей особы» [Там же, с. 23–24]. «Теперь одиночество тяготит меня, а между тем я не вижу никакого выхода из моего положения» [Там же, с. 23]. «Спасите меня» [Там же, с. 24], – обращается он к корреспондентке, совершенно не понимая, что эта сакральная роль для нее совершенно невозможна. (Так же ошибается и Татьяна, надеясь увидеть в Онегине не губителя, но спасителя.)

Дальнейшие откровения Алексея Петровича моделируются так, если бы Онегин и Печорин могли отрешиться от романтического / демонического морока и трезво оценить прожитые годы. Доминирует то пушкинская, то лермонтовская позиция – см.: [Тургенев, 1980в, с. 25–29]. Тургенев описывает ментальное состояние «героев времени» как универсально уродливое, мечтательное, неестественное, ложное. В своих диагнозах он идет дальше предшественников и заявляет об их (героев) устойчивой, можно сказать, хронической психопатологии: «Зато мы психологи. О да, мы большие психологи! Но наша психология сбивается на патологию; наша психология – это хитрое изучение законов больного состояния

и большого развития, до которых здоровым людям нет никакого дела...» [Тургенев, 1980в, с. 27].

Именно психопатология определяет (во многом) бессознательную стратегию судьбы тургеневских героев и их прямых предшественников.

«Судьба» – одна из ключевых категорий в поэтике Ивана Сергеевича. В творчестве она находит адекватное литературное выражение в сюжетах-жизнеописаниях действующих лиц. «Жизнеописание» *онтологично*. Реальная и литературная биографии заключают в себе начало и конец земного существования человека, т. е. все его суммарные смыслы, соответственно, все возможности и пределы антропологического познания. Исследуя жизненный путь героя – (в идеале) от «истории родителей» / рождения, художник наблюдает и описывает цепь событий вплоть до итога, до смерти. Семантика топоса «смерть» наново высвечивает каждый нюанс предшествующей событийности, позволяет понять суть прожитой человеком жизни, логику, ведущую к финалу.

Судьбы «передовых» тургеневских героев складываются более чем неблагоприятно. Словно беспричинно умирают «лишние» – Алексей Петрович, Чулкатурин и Вязовнин. Критик журнала «Москвитянин» Б. Н. Алмазов назвал смерть последнего «неожиданной», «случайной», вызванной желанием автора «избавиться» от Бориса Андреевича (см.: [Тургенев, 1980а, с. 627]). С «избавиться» трудно не согласиться. С той же целью придумана и чахотка как причина смерти героев «Переписки» и «Дневника». Однако, на мой взгляд, если пытаться понять Тургенева, то трудно увидеть в этих финалах именно случайность. Лермонтов ответил на запрос Онегина («Я молод, жизнь во мне крепка; / Чего мне ждать? тоска, тоска!..» [Пушкин, 1978, с. 173]) смертью Печорина. Во всех перечисленных «случайностях» срабатывает, что говорится, железная логика, логика «лишности». На протяжении всего творчества Тургенев настойчиво использует один и тот же прием. Его прекрасно сформулировал Достоевский: передовые герои «как-то вдруг» умирают. (Можно сказать, что прием все-таки лермонтовский, хотя Пушкин тоже «как-то вдруг» избавился от Онегина, сказав ему категорическое «навсегда прощай».) Если что-то и меняется в сочинениях писателя от 1840-х до 1870-х, то в них все громче и громче звучит тема фальшивого, трагического положения героев.

«Ваше положение можно, пожалуй, назвать трагическим. Но знайте, не вы одни в нем находитесь: почти нет современного человека, который бы не находился в нем» [Тургенев, 1980в, с. 37]. Это слова Алексея Петровича, обращенные к Марье Александровне. Трагическое предполагает на-

личие трагического конфликта и соответствующих трагических обстоятельств. Суть конфликта определил Чулкатурин, уверенный в *строгой истине* выражения «лишний». «К другим людям это слово не применяется... Люди бывают злые, добрые, умные, глупые, приятные и неприятные; но лишние... нет. То есть поймите меня: и без этих людей могла бы вселенная обойтись... конечно; но бесполезность – не главное их качество, не отличительный их признак, и вам, когда вы говорите о них, слово “лишний” не первое приходит на язык. А я... про меня ничего другого и сказать нельзя: лишний <...> Сверхштатный человек – вот и все. На мое появление природа, очевидно, не рассчитывала и вследствие этого обошлась со мной, как с неожиданным и незванным гостем» [Тургенев, 1980б, с. 173]. Иначе говоря, существуют злые, добрые, умные, глупые, у них свои отношения со вселенной, но они для нее не лишние. А со мной, по логике героя, вселенная (!) и природа (!) в конфликте. Я для вселенной неожиданный и незванный гость, потому... она меня и уничтожает.

Перед нами *конфликт ментальный*, т. е. *внутренний*. Его источник и основа тоже внутренние. Наполняющая его метафизика дегармонизации, разлада и противостояния носит космические масштабы. При этом вторая сторона конфликта, «лишний» – «ничтожное существо» [Там же, с. 187] («атом», «математическая точка», по определению Базарова [Тургенев, 1981б, с. 119]), шансов на жизнь не имеет. «Недаром про меня сказал один шутник, большой охотник до преферанса, что моя матушка мною обременилась» [Тургенев, 1980б, с. 173], – продолжает Чулкатурин. Обремениться, значит, совершить ошибку и проиграть! Само рождение героя – вселенская ошибка. И как же *в таких обстоятельствах* можно не то что выиграть, а хотя бы выжить?!

Мы видели, что «гибель» и «бездна» являются исходом судьбы героини в нереализованном сюжете «Татьяна + Евгений». Скрытые и явные мотивы лжи, преступления (беззакония), гибели, бездны / пропасти и т. п. являются ключевыми и в жизнеописаниях «передовых» тургеневских героев. Было отмечено, что аналогом вероятной (гибельной) судьбы Татьяны в «Переписке» является судьба Марьи Александровны. «*До половины наклоненным над безмолвной, зияющей бездной*» [Там же, с. 213] видит себя Чулкатурин. Очень странной представляется, например, и развязка в судьбах Елены Стаховой и Дмитрия Инсарова. Смерти Дмитрия предшествует сон супруги (содержащий мотивы сна Лариной). «*Вдруг седая, зияющая пропасть разверзается перед нею <...> “Елена! Елена!” – слышится голос из бездны*». Она открывает глаза. «“Елена!” – раздалось явственно в ее

ушах» [Тургенев, 1981a, с. 295]. Автор поместил в бездну ее мужа, и он зовет ее за собой! В прощальном письме к родителям Елена подводит итоги пройденного жизненного пути: «Я приведена на край бездны и должна упасть. Нас судьба соединила не даром: кто знает, может быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья – и найду, быть может, смерть. Видно, так следовало; видно, была вина...» [Там же, с. 298]. Сюда же встраиваются ее предшествующие размышления о болезни мужа. «Но если это – наказание, – подумала она опять, – если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совесть молчала, она теперь молчит, но разве это доказательство невинности? О боже, неужели мы так преступны!» [Там же, с. 291]. (Замечу, что автор сделал Елену преступной по отношению к своей матери.)

В своем глубинном воплощении тургеневская концепция трагического не от мира сего. Она метафизична, поскольку включает в себя мотивы преступления (вины) и наказания «передовых» героев по законам Вселенной / Природы / Бога. (На позиции суда Божия по отношению к революционерам Тургенев стоит в романе «Новь», см.: [Васильев, 2008, с. 347–348, 353, 368–369]). Все эти имена называют сами герои. Именно Бог как завершитель судеб героев выступает в «Накануне». Инсаров лежит в гробу, в комнате гостиницы. «Елена перешла в соседнюю комнату, прислонилась к стене и долго стояла как окаменелая. Потом она опустилась на колени, но молиться не могла. В ее душе не было упреков; она не дерзала вопрошать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберег, зачем наказал свыше вины, если и была вина?» [Тургенев, 1981a, с. 297]. Художник из «передовых» Павел Шубин, характеризуя неустойчивую и неопределенную психику ему подобных, и ёрничая, и абсолютно всерьез говорит Елене: «Что же мы <...> за несчастные, Богом убитые люди?» [Там же, с. 196].

Те же «тургеневские женщины» провозглашают идеал свободы. «Что может быть для женщины дороже свободы – свободы мыслей, чувств, поступков!» [Тургенев, 1980a, с. 334], – восклицает Софья Заднепровская. Ответом ей могут звучать слова Евгения Базарова. Аркадий задает ему вопрос: «Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли в женщинах?». «Оттого, братец, что, по моим замечаниям, свободно мыслят между женщинами только уроды» [Тургенев, 1981b, с. 71], – отвечает приятель. «Урод» (в нашем контексте) – слово пушкинское. Лермонтов тоже ставит образ Печорина рядом с «вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми» [Лермонтов, 2002, с. 213]. Хотя у него есть и другое (синонимич-

ное) определение – «нравственный калека». Печорин объясняет, почему он им стал: потому что «одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла» [Лермонтов, 2002, с. 313]. Умерло Божественное, осталось и заполонило душу демоническое.

В «Нови» Паклин формулирует цель «героев времени»: мы «хотим действовать, хотим целый мир кверху дном перевернуть» [Тургенев, 1982а, с. 152]. Однако мир оборотился, повернулся обратной стороной уже в ментальном восприятии героев Пушкина и Лермонтова. Тургенев продолжил исследовать этот процесс переворачивания.

Марья Александровна, Елена Стахова, Алексей Петрович, Чулкатурин, Базаров, Инсаров (список обширнее) никого не убили, никому не изменили, но все они преступны и наказаны. Для всех «передовых» героев Иван Сергеевич находит одно имя – Гамлет, за которым кроется другое – Мефистофель, дьявол. (Ср.: Мефистофелем называет молодежь двойника Печорина, Вернера.) Дьявол, Антихрист и есть оборотная сторона мира. В «Нови» «российский Мефистофель» Паклин восклицает, обращаясь к «российскому Гамлету» Нежданову: «Ну, так “en avant, marchons!”⁷ – к двадцатому веку! к двадцатому веку! Нежданов, передовой человек, веди!» [Тургенев, 1982а, с. 250]. В XX веке избежать судьбы «передового героя» уже было почти невозможно никому. Какую «искусственную программу жизни», какую судьбу «передовые» уготовили России, мы знаем. Голос героя из бездны, зовущий туда же героиню, – поистине пророческий символ этой судьбы.

Список литературы

Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин» (Окончание) // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 399–426.

Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 5–168.

Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. 4-е изд. М., 1957. 431 с.

Васильев В. К. Роман И. С. Тургенева «Новь» в свете архетипического сюжета об Антихристе // Древнерусское духовное наследие в Сибири: на-

⁷ «вперед, идем!» (фр.).

учное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 345–370.

Васильев В. К. И. С. Тургенев и его герои в свете утопии и антиутопии // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: Коллективная монография. М., 2011. С. 65–84.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. 511 с.

Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 6. С. 212–366.

М. Горький и А. П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания: Сб. материалов. М., 1951. 288 с.

Писарев Д. И. Пушкин и Белинский // Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2003. Т. 7: Статьи, 1865 (январь – август). С. 206–316.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 5. С. 5–184.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10: Письма. 713 с.

Руди Т. Р. Праведные жены Древней Руси (к вопросу о типологии святости) // Русская литература. 2001. № 3. С. 84–92.

Синякова Л. Н. «Онегинский» сюжет в сюжетной структуре повести И. С. Тургенева «Два приятеля»: культурно-антропологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 83–89.

Тургенев И. С. К А. С. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 1. С. 41–42.

Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980а. Т. 4. С. 321–379. Примечания. С. 624–633.

Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980б. Т. 4. С. 166–216.

Тургенев И. С. Переписка // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980в. Т. 5. С. 18–48. Примечания. С. 390–401.

Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980г. Т. 5. С. 197–322.

Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981а. Т. 6. С. 159–300.

Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981б. Т. 7. С. 5–188.

Тургенев И. С. Новь // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982а. Т. 9. С. 133–389. Примечания. С. 478–559.

Тургенев И. С. Предисловие к романам 1880 // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982б. Т. 9. С. 390–395.

Тургенев И. С. <Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 341–350.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. Т. 13. 557 с.

References

Belinsky V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya devyataya. “Evgeniy Onegin” (Okonchanie) [Works of Alexander Pushkin. Article nine. “Eugene Onegin” (Ending)]. In: Belinsky V. G. Collected works. In 9 vols. Moscow, 1981, vol. 6, pp. 399–426. (in Russ.)

Bondi S. M. Rozhdenie realizma v tvorchestve Pushkina [The birth of realism in Pushkin's works]. In: Bondi S. M. O Pushkine: Stat'i i issledovaniya [About Pushkin: Articles and Studies]. Moscow, 1978, pp. 5–168. (in Russ.)

Brodsky N. L. “Evgeniy Onegin”, roman A. S. Pushkina [“Eugene Onegin”, a novel by Alexander Pushkin]. 4th ed. Moscow, 1957, 431 p. (in Russ.)

Dostoevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. In: Dostoevsky F. M. The Complete Works. In 30 vols. Leningrad, 1976, vol. 14, 511 p. (in Russ.)

Dostoevsky F. M. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti [Pushkin (essay). Pronounced on June 8 at a meeting of the Society of Amateurs of Russian Literature]. In: Dostoevsky F. M. The Complete Works. In 30 vols. Leningrad, 1984, vol. 26, pp. 136–149. (in Russ.)

Lermontov M. Yu. Geroi nashego vremeni [A hero of our time]. In: Lermontov M. Yu. The Complete Works. In 10 vols. Moscow, 2002, vol. 6, pp. 212–366. (in Russ.)

M. Gorky i A. P. Chekhov. Perepiska. Stat'i. Vyskazyvaniya: Sb. materialov [Correspondence. Articles. Statements: Collection of materials]. Moscow, 1951, 288 p. (in Russ.)

Pisarev D. I. Pushkin i Belinskiy [Pushkin and Belinsky]. In: Pisarev D. I. The Complete Works and Letters. In 12 vols. Moscow, 2003, vol. 7, pp. 206–316. (in Russ.)

Pushkin A. S. Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. Pushkin A. S. The Complete Works. In 10 vols. 4th ed. Leningrad 1978, vol. 5, pp. 5–184. (in Russ.)

Pushkin A. S. The Complete Works. In 10 vols. 4th ed. Leningrad, 1979, vol. 10, 713 p. (in Russ.)

Rudi T. R. Pravednye zheny Drevnei Rusi (k voprosu o tipologii svyatosti) [Righteous Wives of Ancient Russia (to the question of the typology of sainthood)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2001, no. 3, pp. 84–92. (in Russ.)

Sinyakova L. N. “Oneginskii” syuzhet v syuzhetnoi strukture povesti I. S. Turgeneva “Dva priyatela”: kul'turno-antropologicheskii aspekt [“Onegin's” plot in the plot structure of I. S. Turgenev's story “Two Pals”: cultural and anthropological aspect]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2011, no. 3, pp. 83–89. (in Russ.)

Turgenev I. S. Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a Superfluous Man]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1980, vol. 4, pp. 166–216. (in Russ.)

Turgenev I. S. Dva priyatela [Two Pals]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1980, vol. 4, pp. 321–379. Notes, pp. 624–633. (in Russ.)

Turgenev I. S. K A. S. [To A. S.]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1978, vol. 1, pp. 41–42. (in Russ.)

Turgenev I. S. Nakanune [The day before]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1981, vol. 6, pp. 159–300. (in Russ.)

Turgenev I. S. Nov' [Nov]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1982, vol. 9, pp. 133–389. Notes, pp. 478–559. (in Russ.)

Turgenev I. S. Ottsy i deti [Fathers and children]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1981, vol. 7, pp. 5–188. (in Russ.)

Turgenev I. S. Perepiska [Correspondence]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1980, vol. 5, pp. 18–48. Notes, pp. 390–401. (in Russ.)

Turgenev I. S. Predislovie k romanam 1880 [Preface to the novels of 1880]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1982, vol. 9, pp. 390–395. (in Russ.)

Turgenev I. S. Rech' po povodu otkrytiya pamyatnika A. S. Pushkinu v Moskve [Speech on the opening of the monument to Alexander Pushkin in Moscow]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1986, vol. 12, pp. 341–350. (in Russ.)

Turgenev I. S. Rudin [Rudin]. In: Turgenev I. S. The Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1980, vol. 5, pp. 197–322. (in Russ.)

Turgenev I. S. The Complete Works. In 30 vols. Letters. In 18 vols. 2nd ed. Moscow, 2002, vol. 13, 557 p. (in Russ.)

Vasiliev V. K. I. S. Turgenev i ego geroi v svete utopii i antiutopii [Turgenev and his heroes in the light of utopia and dystopia]. In: Russkii proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov [Russian project of world correction and artistic creativity of the 19th – 20th centuries]. Moscow, 2011, pp. 65–84. (in Russ.)

Vasiliev V. K. Roman I. S. Turgeneva “Nov” v svete arkhетipicheskogo syuzheta ob Antikhriste [I. S. Turgenev’s novel “Nov” in the light of the archetypal plot about Antichrist]. In: Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoi russkoi knizhnosti na vostoке Rossii [Old Russian spiritual heritage in Siberia: scientific study of the monuments of traditional Russian books in the east of Russia]. Novosibirsk, 2008, vol. 2, pp. 345–370. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Кириллович Васильев, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Vladimir K. Vasiliev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.04.2025;

одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 10.05.2025

The article was submitted on 01.04.2025;

approved after reviewing on 10.05.2025; accepted for publication on 10.05.2025